В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ НУЖНО ПРИБАВИТЬ!

Билеты на фестиваль «Рок против террора» «стреляли», начиная с Белорусского вокзала и до самой Сетуни.

Действительно, не было милиции в зале, а были «люди Иншакова» — российские каскадеры.

Музыканты отказались от услуг богатых и опт[illegible] «папиков», воротил шоу-бизнеса — это был по-настоящему независимый фестиваль.

Жертв и разрушений не было.

А будет фильм «ВИДа», пластинка, и, может быть, когда-нибудь этот фестиваль станет продолжением списка «Тбилиси-80», «Ленинград-84», «Подольск-87»...

Потому что, за что бы и против чего бы ни выступал наш рок, мы в конечном итоге запоминаем не лозунги, а концерты. И даже умница Шевчук не сумеет объяснить 7 тысячам своих «фанатов», собравшимся на этот фестиваль, что такое — быть против террора. Они за музыку его любят, а не за то, что он может сказать о терроре.

НО!

Если по поводу каждого столкновения с милицией устраивать концерты, мы все только и занимались бы тем, что пели. И это совсем не плохо.

Сегодня из нашего всеобщего и всенародного унижения и бессилия хоть что-нибудь изменить рождается террор. Власть унижена собственным безвластием, а народ — невозможностью повлиять на власть. Поэтому остается лишь запугивать друг друга всеми доступными способами. Кто чем: можно внезапно менять купюры, можно регулярно угонять самолеты, можно, вооружившись цепями и кастетами, громить дискотеки. По сути — это поступки одного ряда, продиктованные желанием спасти себя, запугав остальных.

Быть может, рок — это не лучшее средство борьбы. Но зато — это один из тех редких случаев, когда, борясь с терроризмом, мы не становимся террористами сами.

Мир, дружба, бутерброд...

От нашего корреспондента, рок-музыканта.

ДАВАЙТЕ на некоторое время станем циниками и ретроградами — порассуждаем вообще о целесообразности проведения акции под такой крутой маркой, как «Рок против террора».

В чем было преимущество рок-музыки раньше, до того, как о ней стали говорить открыто, до 1985 года? Существовал довольно небольшой выбор — что слушать. С одной стороны, малоинтересная, надоевшая советская песня, с другой — неизвестно как попадающие на советскую землю записи иностранных групп. И не то, чтобы с третьей стороны, а как бы снизу, из глубокого подполья —рок-н-ролл отечественного производства: пусть некачественно записанный, не очень умело сыгранный, но СВОЙ. Его окружал ореол таинственности и мученичества — в лицо музыкантов знали немногие, но их иносказательный язык понимали почти все.

После 1985 года, когда все кинулись восстанавливать справедливость и утверждать общечеловеческие ценности над классовыми, наряду с «полочными» фильмами и секретными архивами вышла из своего подполья и советская рок-музыка. Тогда она пришлась как нельзя более кстати — люди еще не научились говорить вслух, а рок-музыка как бы предлагала путь от шифровки к открытому тексту. Чем открытей становилось советское общество, тем жестче и проще становилась рок-музыка.

Но вот Макаревич сыграл главную роль в фильме «Начни сначала», и мы увидели, что это вовсе не герой, каким мы его себе представляли, а вполне обычный парень. Рок-группы стали играть на стадионах, и мы могли купить билет и пару часов подряд слушать то, что раньше с таким трудом и радостью доставали. Некоторое время рок был самой коммерческой музыкой в Советском Союзе, и концерты проходили с аншлагами. До тех пор, пока, с одной стороны, не произошло насыщение роком (не столько нашего музыкального рынка, сколько уставшего сознания), а с другой — не появились предприимчивые люди, всерьез занявшиеся музыкальным бизнесом. Начиная с 1987 г., они выбросили на продажу безумное количество музыкальных групп — модных, мелодичных и несложных. У этих групп была хорошая реклама, хорошая аппаратура, хорошие связи, а рок-н-ролл не смог этому ничего противопоставить. Раньше музыкальную скудость можно было объяснить тяжелыми условиями, террором со стороны государства. Раньше на техническую сторону никто не обращал внимания (потому, что никто не смотрит, КАК одет мученик, важно, ЗА ЧТО его мучают). Теперь же, когда свободы стало побольше, а террора в отношении рока поменьше, НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ, неумение поднять публику от уровня низкопробной попсы до уровня хорошей современной рок-музыки привело к тому, что большая часть молодежи предпочитает слушать «Ласковый май», а не «Аукцыон».

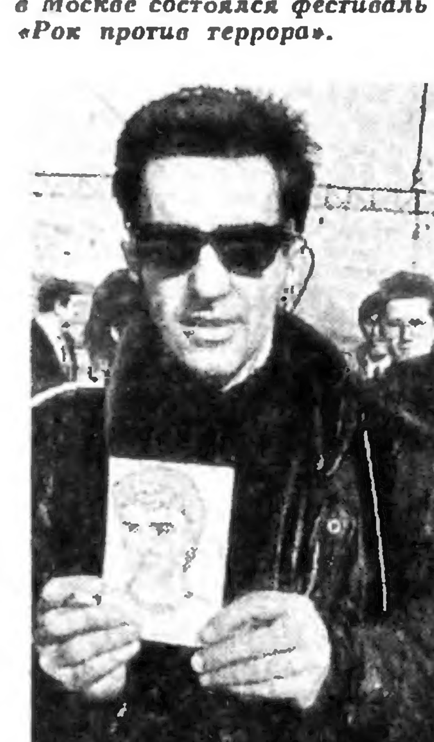
Кончилось тем, что теперь редко какая команда соберет полный Дворец спорта, а ореол мученичества как-то сам собой растаял. И вот тут вдруг начинает происходить невероятное: если раньше система боролась с рок-музыкой, утверждая, что рок-н-ролл прививает советским людям гнилые буржуазные настроения, развращает их и при этом обладает достаточным влиянием среди молодежи (кстати, это не было неправдой, потому что поколение нынешних двадцатипятилетних росло на песнях Гребенщикова, Науменко и Макаревича), то теперь уже сами рок-музыканты стали претендовать на роль если не Учителей, то духовных наставников молодежи. Хотя именно сейчас это более чем сомнительно. Рок-н-роллу не хватает изюминки. Не хватает прежней нелегальности, запрещенности, не хватает того, на чем он вырос и к чему привык. Вернуть прежнее положение рок-н-ролла (особенно при нынешнем «поправении» официальной политики) не так уж и трудно. Для начала нужно как можно острее поставить вопрос о роке, как жертве государственного произвола, а потом путем нескольких крупных скандалов добиться того, чтобы сработала госмашина.

Слава Богу, что организаторы акции «Рок против террора» не пошли по этому пути и не закрыли дорогу поколению музыкантов, которое идет им на смену.

То, что в рок-музыке происходит у нас сейчас, на Западе происходило лет двадцать назад. Там давно пошли по пути наращивания профессионализма, отказались от идеи вести за собой массы и главным избрали правило, что рок не столько способ борьбы против, сколько средство в борьбе за. За добрые человеческие отношения между людьми, за хорошее настроение, за взаимопонимание. Что рок действует своей «положительностью», а не «отрицательностью». А наш, нынешний советский рок-н-ролл, боюсь, так и не научился существовать без террора...

А. ДОБРОВ.

12 апреля 1952 года Билл Хэйли и «Кометы» выпустили первую в истории пластинку рок-н-роллов «Рок круглые сутки». С тех пор во всем мире этот день отмечается как день рождения рок-музыки. Спустя 38 лет и 359 дней в Москве состоялся фестиваль «Рок против террора».

На снимках С. КУЗНЕЦОВА: БУТУСОВ, ВЕСЕЛКИН, ГАРКУША, ШЕВЧУК и поклонницы.

Страшные снаружи, добрые внутри

От нашего корреспондента в «стоячем партере».

НА ТО, ЧТО называется «стоячим партером» во Дворце спорта «Крылья Советов», во время рок-концертов смотреть сверху страшно: то и дело кажется, что эта кипящая лава вот-вот выльется на трибуны и хлынет, сметая все на своем пути, учиняя очередное молодежное буйство с поломанными руками и побитыми журналистами.

Но в ту субботу вулкан извергаться не думал. Чтобы понять — почему, пришлось спуститься вниз и затаиться за стеклянным барьером хоккейной площадки. То, что сверху казалось враждебным и агрессивным из-за стекла выглядело смешным — возбужденные «фаны» с немыслимыми прическами и в немыслимых тряпках, непонятно откуда взявшаяся бабушка лет семидесяти в меховой шапке. Бабушка не кричала и не махала руками, она внимательно слушала группу «Чайф» — как другие в ее возрасте внимают романсам.

А я вдруг представил себе, что бы было, если бы вон тот «чувак» лет 15, совершенно лысый и к тому же голый по пояс, задумал пробраться в Большой зал Консерватории? Его по меньшей мере отправили бы отмывать надпись «Алиса», сделанную губной помадой на животе, а скорее всего — спустили бы с лестницы. Но почему бабушке в меховой шапке можно «торчать» от «Калинова моста» на рок-фестивале, а человеку в буденовке и с крашеными волосами от Чайковского в Консерватории нельзя? И вот еще что непонятно: почему в этом случае бесноватые и неуправляемые подростки не выгонят эту бабушку, которая так напоминает ненавистный им образ билетерши в кинотеатре?

ЧТОБЫ понять это, нужно пересилить себя и перелезть через стеклянный барьер...

Поначалу мне приходилось шарахаться в разные стороны: то от девицы в защитного цвета рубахе, оравшей «а-а» в течение минуты тридцати секунд (я засекал), то от чуть не рухнувшей на меня пирамиды из трех человек в пионерских галстуках.

Закружившись в этом вихре странных субъектов, я тщетно пытался их классифицировать. Ну, допустим, стилягу в галстуке и в приличном костюме от панка я еще отличу. «Алисоманов», что тихо группировались в темноте, чтобы рвануться к сцене с призывным кличем: «А-ли-са!!!», тоже.

С этим ясно. Но к чему здесь отдельные личности в тельняшках? Как попали сюда приличные, наглаженные мальчики и девочки, которые боязливо жмутся по углам, и почему под занавес действа они становятся такими же неприличными, как и все остальные?

И уж совсем непонятно, почему все эти люди вдруг стали единым организмом, когда Шевчук запел «Родину»... Как возникла цепочка людей, сотканная из тех же панков с намалеванными фингалами, хиппов и солдат в расстегнутых рубашках с оторванными погонами, зачем, обнявшись за плечи, все они покачивались в такт...

То, что казалось страшным и агрессивным сверху и противным из-за барьера, оказалось удивительно терпимым и доброжелательным изнутри.

В этой толпе можно жить. И не просто жить — а хорошо жить, весело и счастливо.

Я ХОДИЛ, перешагивая через спящих вповалку людей, которые просыпались, заслышав призывные аккорды любимых групп, ели, глотали что-то из бутылок, целовались, танцевали медленные танцы под бешеные ритмы «Алисы», а рок, гремевший повсюду, был составной частью их жизни — как воздух.

Я не знаю, рождается ли этот мир на каждом из рок-концертов, но если рок, по стечению каких-то непонятных мне обстоятельств, единственное, что объединяет людей, способных после концерта запросто набить друг другу физиономию, то да здравствует рок! Пусть на считанные часы, пусть на один день объединяет он тысячи в «стоячих партерах», пусть лишь на пару минут позволяет слиться с другими, оставаясь при этом самими собой, и целоваться, плакать, молчать, не рискуя кому-либо не понравиться.

С. МИХАЛЫЧ.

НЕДЕЛЯ МИЛОСЕРДИЯ

Кричите: «Ап!»

В прохладном зале с темно-голубыми креслами и белыми портьерами пахло сиренью и свежестью. Или, возможно, дорогими французскими духами. Публика, чувствовалось, была состоятельная...

Я-то, признаться, рассчитывала увидеть нечто подобное, направляясь на благотворительный аукцион, организованный Советским фондом милосердия и здоровья совместно с ассоциацией «Народные художественные промыслы России» в рамках всесоюзной недели милосердия. Ведь не секрет, что, помимо пенсионеров, инвалидов, одиноких стариков, многодетных семей, жертв межнациональных конфликтов и прочих бедствующих категорий граждан, на помощь которым в прошлом году фонд истратил 20 миллионов рублей (считая эту сумму явно недостаточной), в наши скудные времена встречаются и люди, ищущие способ вложения денег.

Если вы не принадлежите к числу заядлых любителей аукционных распродаж, объясню, что это такое. Любой человек, имеющий в кармане червонец, может приобрести на него входной билет. В момент приобретения он как бы теряет имя и прочие анкетные данные, зато получает табличку с номером и право купить много полезных и красивых вещей.

На эстраде воцарился аукционист в черной «бабочке» и смокинге с сияющими лацканами и обильно посыпал цифрами головы покупающих. «Если я и мои помощницы почему-либо не заметили ваш номер, не стесняйтесь и кричите «Ап!» Это специальный аукционный клич».

Два подноса с начальной ценой 700 рублей вызвали легкий гул в зале, но все же были куплены. Овеваемые павловскими шалями, вплывали и уплывали загадочные аукционные девушки. Цены тоже плыли — неизменно вверх.

Виртуоз-аукционист умудрился продать вышитое полотенце за 90 «целковых», начав с 15. Это называется «расшевелить зал».

Рядом со мной под № 33 группа товарищей в черных пиджаках методично скупает кружевные скатерти и чайные сервизы.

— Простите, а если бы аукцион проводился не с благотворительными целями, вы бы купили все это?

— Купили бы. Но на десять процентов дешевле.

— Значит, вы специально пришли на аукцион?

— Нет. Просто я шел по улице, увидел объявление. Мы вообще издалека. Откуда? Ну да, один у меня уже брал вчера интервью...

Скульптура «Всадник на верблюде». «Нет интереса? Лот снят!» Ведущий аукциона А. И. Лобанов представляет аукционный дом «Москва».

— Много у вас работы? Сколько аукционов проводите в неделю или, может быть, в день?

— Если в день я проведу два аукциона — я умру. Обычно бывает от 3 до 10 аукционов в месяц.

— И много получаете?

— Сегодня мы отказались от гонорара.

Маэстро утверждает, что половина проходящих ныне аукционов — благотворительные.

Все деньги, вырученные на аукционе, пойдут на приобретение автобусов «РАФ» с подъемниками для инвалидных колясок.

Ю. КОЗЫРЕВА.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Душа болит, глядя, как умирают маленькие дети, даже не дожив до школьного возраста. Недавно в очередной раз лежала со своей малышкой в больнице. До сих пор у меня перед глазами стоит мать с окаменевшим от горя лицом, которая носит постоянно на руках своего пятилетнего сынишку с восковым лицом и белыми губами. У мальчика лейкемия, и жить осталось совсем немного. А сколько их, таких детей?!

Л. МОРОЗ.

Житомирская область.

Письма матерей не дают спокойно спать. Но, какими бы горькими ни были эти строки, думаю, милосердие может помочь, когда не остается ничего, кроме лечения за рубежом. Мы обращаемся ко всем, кто может помочь детям. Они должны жить!

Васильев Володя, 8 лет. Счет 704201 в ОПЕРУ при правлении Жилсоцбанка СССР г. Москвы, МФО 299093. Адрес: 142000, Московская обл., Подольский р-н., п/о Остафьево, ул. Авиаторов, д. 14, кв. 4.

Пихлапсон Эрик, 12 лет. Расчетный счет 70400001 Внешэкономбанка СССР г. Москвы. Адрес: 200010, г. Таллинн, ул. Васе, д. 3, кв. 5.

Емцова Юля, 13 лет. Расчетный счет в Павлоградском агропромбанке № 000700962, валютный счет № 932950133 во Внешэкономбанке СССР г. Днепропетровска, МФО 305006. Адрес: УССР, Днепропетровская обл., г. Павлоград, ул. Интернациональная, д. 67-а, кв. 15.

Роковая терапия

От нашего корреспондента в железной маске

Все это, конечно, здорово: и то, что рок, как выяснилось, против террора, и то, что молодежная аудитория эту идею поддержала, и то, что такой концерт вообще удалось провести... Но если меня кто-то спросит: ну и что из этого? — я буду застигнут вопросом врасплох. Сам-то я категорически против такого подхода к искусству. Но понимаю и тех людей, которые, если им вот так категорично заявить «Рок против террора», могут съязвить: «И что, террора больше не будет?»

Рок-н-ролл, по утверждениям специалистов, возник не просто как музыкальная форма, а еще и как форма протеста западной молодежи против окружавшей их действительности. И ничего, что, например, Билл Хэйли, если судить по степени его упитанности, был самым что ни на есть настоящим продуктом пресловутого общества потребления,— даже он годился в качестве «мятежника».

Но, как говорится, ко всему привыкает человек. Так и «система» привыкла к новой музыке, которая со временем перестала кого-либо шокировать и чему-либо угрожать. Но мало-помалу «бунтари без причины» (термин, кстати, пришел из кинематографа) стали протестовать по существу. Тем более что поводов для этого было предостаточно. Сначала был рок против войны во Вьетнаме, потом — против наркотиков, расизма, ядерных испытаний и пр. Это были искренние, благородные акции. Но если подходить ко всему этому с чисто практической точки зрения, то пришлось бы констатировать: ни бомб, ни наркотиков, ни расизма от этого меньше не становилось.

Многие музыканты, прекрасно отдавая себе в этом отчет, говорили красивые, но — опять-таки с чисто практической точки зрения — мало что значащие фразы типа: если хоть один человек уйдет с моего концерта немножко другим, я могу считать, что пел не напрасно. Более близким к реальной жизни был ответ: конечно, сама по себе песня не в состоянии изменить мир, но она может привлечь внимание к проблеме, заставить людей задуматься.

Тут, наверное, нелишне будет вспомнить о том, что во всем мире и во все времена люди были склонны к разного рода символическим акциям. «Не дадим взорвать мир!» — решительно заявляли мы перед лицом надвигавшейся с Запада угрозы. И вот катится по стране «волна мира», выстраивается в столице цепочка то ли солидарности, то ли дружбы, то ли еще чего-то, собираются тысячи подписей под какими-то воззваниями. Впрочем, конкретная польза от всего этого, как ни крути, есть: мир цел и невредим. Правда, не потому, что мы вовремя сказали свое решительное «нет»...

Зачастую символическими становятся не только гуманитарные акции, но и вполне серьезные затеи, которые, по замыслу, должны привести к конкретным результатам. Пятилетка эффективности и качества, если помните, ни к росту эффективности, ни к повышению качества не привела. Игнорируются даже резолюции ООН — а уж они-то, казалось бы, должны быть обязательны к исполнению.

И в этой ситуации мы хотим, чтобы акция «Рок против террора» дала какие-то результаты?

Западный рок-н-ролл первым начал протестовать, он же первым и убедился в том, что «песня не в состоянии изменить мир». Наше преимущество в том, что нам нет необходимости до этой мысли доходить своим умом — достаточно поверить западным коллегам. Может быть, поэтому музыканты, с которыми я беседовал за кулисами Дворца спорта «Крылья Советов», не пытались убедить меня в том, что после концерта террор прекратится, а все подростки выйдут из зала новыми людьми.

Наиболее близок к тому, что можно было бы назвать романтичным оптимизмом, инициатор акции Игорь Сукачев. Трудно не согласиться с ним, что для сотен тысяч подростков Кинчев, Шевчук, Бутусов — настоящие кумиры. Каждое их слово для публики — едва ли не инструкция, поэтому если они выступают против террора, то и поклонники их в этом поддержат.

— А что, если те же музыканты соберутся под другим, плохим лозунгом и захотят повести за собой публику? — полюбопытствовал я.

— Во-первых,— отвечал Сукачев,— среди людей, которые сегодня играют, я не знаю таких, кто мог бы толкнуть других на какое-то недоброе дело. Во-вторых, не надо думать, будто подростков так легко провести: они в состоянии отличить хороший лозунг от плохого.

— Кстати, что было бы, если бы данный концерт провести теми же силами, в этом же зале, но без лозунга «Рок против террора»?

— Это был бы очень хороший концерт, не более...

Касаясь неизбежного вопроса о конкретной пользе данного мероприятия, мы с Гариком сошлись во мнении, что таковой может и не быть. Вот если сделать «Рок против террора» движением...

Против этого категорически возражает Николай Гусев из «АВИА».

— В этом случае,— считает он,— «Рок против террора» рискует превратиться в рутину. Прелесть данной акции в ее спонтанности: задумали ее провести, и она — к удивлению многих — удалась. Что касается лозунга, то он, конечно же, был важен, поскольку стал стержнем всего концерта, его с чистым сердцем поддержали все музыканты. И смотрите, кого удалось собрать: «Алиса», «Наутилус», «Бригада С», «Аукцыон», «ДДТ»...

Тут самое время сказать пару слов о самом концерте. Технически он прошел почти безупречно, это раз. Во-вторых, собрались, пожалуй, самые громкие имена в отечественном роке, причем такие, чье участие в акции под лозунгом «Рок против террора» было вполне оправданно. И многие песни звучали так, будто были специально написаны для этого концерта — особенно вещи «ДДТ». Кстати, Шевчука, по моему глубокому убеждению, давно пора наградить какой-нибудь медалью за патриотическое воспитание молодежи, поскольку он вновь ввел в лексикон юношества слово Родина. Это слово вслед за ним на концертах повторяют тысячи подростков, для которых, как принято считать, ничего святого не осталось.

С Саулюсом Урбонавичюсом из группы «Бикс» мы довольно неплохо поговорили, какой глубокий смысл заложен в том, что в это непростое время команда из Литвы играет в столице России. Но во время концерта для меня, признаться, важно было не то, откуда эта группа, а то, что она играет музыку, которая лично мне очень понравилась.

Мысль моя проста: концерт — под каким бы громким и правильным лозунгом он ни проходил — это прежде всего музыка, а не декларации. И с моей точки зрения, главный плюс акции «Рок против террора» в том и заключается, что она не превратилась в митинг: никто на сцене не впадал в патетику, не рассуждал о путях борьбы с террором. Музыканты просто выходили на сцену и играли — то есть делали именно то, чего от них ждала публика, которой здорово повезло: услышать за один день сразу столько песен, составляющих золотой фонд отечественного рока, пожалуй, никому раньше не удавалось.

И все же от одного эффектного жеста удержаться не удалось. В конце музыканты нескольких групп вышли на сцену и исполнили «Имэджин». Дело даже не в том, как спели, а в том, что, с моей точки зрения, джем-сэшн как идея себя исчерпал лет тридцать назад. Но, возможно, я так думаю просто потому, что слишком давно увлекаюсь рок-н-роллом.

Некто Б. КАРЛОВ.

Подросткам нечего терять, кроме своих цепей!

Поддерживая наш призыв, несовершеннолетние граждане проявляют добрую волю и готовность к разоружению. Не все пока, однако ряд предложений мы уже получили.

О волоколамской группировке «короли» мы уже рассказали. Они позвонили на следующий же день и первыми заявили о готовности сдать на памятник все свое «штатное» вооружение. С тех пор о них — ни слуху, ни духу. Несолидно, товарищи.

Две безымянные банды из подмосковных городов Орехово-Зуево и Ликино-Дулево на полном серьезе пообещали прислать в редакцию полномочных представителей с целью доставки определенного количества кастетов, цепей, свинчаток и ломов. Ждем.

Звонили из Башкирии. В поселке Дюртюли готова в полном составе сдать все имеющееся на руках холодное оружие группировка «матроска».

Вчера нам позвонили делегаты «трудного детства» из города Химки. Совсем было договорились с ними о личной встрече (на которой они настаивали), как вдруг химкинцы бросили трубку. И больше на связь не вышли.

Было еще несколько звонков, когда не удавалось даже выяснить, из какого города звонят, с какой целью и по поручению кого. Странная тенденция — заявить о себе и тут же спрятаться.

Порядок приема, хранения и доставки оружия в Москву (из отдаленных регионов страны) сейчас решается совместно с МВД СССР. Не шарахайтесь, товарищи потенциальные сдатчики: на свой страх и риск собирать кастеты мы просто не имеем права (оружие ведь, хоть и холодное). А во-вторых, добровольная сдача оружия по закону никоим образом не преследуется. Если, конечно, им не было совершено преступление.

Ну а пока мы ждем заявок на участие в акции. Звоните!

КСТАТИ. Участники акции, сдавшие наибольшее количество оружия (по весу и степени опасности его), будут приглашены в качестве гостей (или даже охраны — по желанию) на проводимый «Алым парусом» фестиваль «Рок против угрюмости», который состоится в мае сего года в Минске. Пригодность сдаваемого оружия будет оцениваться специальными экспертами «АП». Железобетонные болванки, куски отопительных систем, скелеты пишущих машинок и прочий металлический хлам, в изобилии валяющийся на помойках, приниматься не будут.

Первые десять представителей разоружающихся получат уникальную возможность напечатать собственное фото в нашей газете (анфас, в профиль или со спины — кому как нравится).

«Алый парус» официально объявляет конкурс проектов монумента ОБЕЗОРУЖЕННОМУ ТЕРРОРУ. Эскизы отправляйте по почте. На конверте не забывайте помечать: «Алый парус. Монумент».

Контактный телефон по-прежнему: 257-29-85.

Подросткам нечего терять, кроме своих цепей!

Капитан «АП» Саша ОРЛОВ.

Весна Гагарина

Юрий Гагарин стартовал в космос, когда большинство молодых читателей еще не родились. Для них он — нечто из истории, если и не из компании Колумба и Магеллана, то из времени Амундсена и Папанина. А так хочется, чтобы он остался с нами не бронзовым, а живым! Люди его воли, упорства и смелости нужны нам сегодня.

Два дома Гагарина: земной и космический.

Сочи, май 1961 г. Купался, набрал воду в ухо, забинтовали, Королев смеялся...

Гагаринские «летописцы» из редакции газеты «Правда» Николай Денисов и Сергей Борзенко, когда со слов Юрия Алексеевича писали книжку «Дорога в космос», присочинили немало разных красивостей, которые должны были, по их мнению, еще более влюбить читателей в первого космонавта. Красивости эти вызывали действие обратное, поскольку часто были безвкусны («меня охватил небывалый подъем всех душевных сил. Всем существом своим слышал я музыку природы...»), не говоря уже о том, что искажали историю, ибо все, что связано с гагаринским полетом в космос, по моему глубокому убеждению, именно ей и принадлежит. В книжке сказано, что перед тем, как подняться на лифте к вершине ракеты, Гагарин «сделал заявление для печати и радио». Заявления этого, которое многократно транслировалось по радио и было опубликовано во всех газетах, Гагарин тогда не делал. Все эти высокопарные и местами не совсем скромные слова Юрия заставили прочитать перед микрофоном еще в Москве, где их записали на пленку. Ведущий конструктор космического корабля «Восток» Олег Ивановский рассказывал, что существовали дубли этого заявления, прочитанные дублером Гагарина Германом Титовым и «дублером дублера» Григорием Нелюбовым. А тогда на космодроме было, право же, не до заявлений.

Широко известные кинокадры, на которых запечатлен Королев, сидящий за круглым, покрытым скатертью столом у лампы с абажуром и переговаривающийся с Гагариным, документальны относительно. Это действительно Королев, и говорит он действительно точно те слова, которые он говорил Гагарину перед стартом. Но кадры эти сняты позже, не 12 апреля. Королева в бункере в то утро никто, к сожалению, не снимал.

Легенда окружала долгое время образ «стреляющего» Кириллов якобы и нажимал кнопку «Пуск». Анатолий Семенович был человек веселый общительный. Помню, как он смеялся, когда я спросил его:

— А вы не боитесь, что после смерти ваш палец отрежут, заспиртуют и отправят в Институт мозга?

Кнопку «Пуск» нажимал оператор Борис Семенович Чекунов. Вот он действительно обладатель «исторического пальца».

Кроме людей, которых я перечислил, в пультовой, в командном бункере, состоящем из нескольких подземных комнат, находилось довольно много других специалистов — штатских и военных. Будущий космонавт Феоктистов вспоминает, как монотонный голос телеметриста из динамика громкой связи, повторявшего: «пять», «пять», «пять» — что означало: «все в порядке», вдруг сменился: «три», «три», «три». Королев стремительно выбежал из пультовой:

— Что случилось?!

Голос в динамике умолк, через несколько секунд (всем, наверное, показалось — минут) снова зазвучало: «пять», «пять», «пять»... Потом разобрались: был сбой в передаче данных. Интересно, какой пульс был у Королева эти несколько секунд?..

Рассказывали, что министр обороны Родион Яковлевич Малиновский замешкался с подписанием приказа о внеочередном звании, которое присвоено было Гагарину: из старших лейтенантов он сразу стал майором. Такой «перескок» допустим лишь приказом министра обороны, и именно нерасторопность маршала согласно этому «мифу» как раз и задержала сообщение ТАСС, которое с большим подъемом прочитал Юрий Левитан лишь через пятьдесят минут после старта. На космодроме все истомились, ожидая это сообщение, никто не понимал, что происходит: Гагарин скоро будет садиться, а радио молчит!

...Королев отодвинул микрофон, вытер платком лицо. Кто-то протянул сигареты. Он давно бросил курить, но теперь потянулся за сигаретой.

Встал, подошел и поцеловал Кириллова. Обнял Воскресенского, Феоктистова. Спросил добродушно:

— Что, брат Константин, досталось тебе от меня за эти годы?

Обернулся ко всем, кто стоял сейчас в пультовой:

— Спасибо вам, большое спасибо!..

Спазм перехватил горло.

1

Гагарин крикнул «Поехали!» самопроизвольно, ни о каком «историческом» восклицании он не задумывался — просто вырвалось. Волновался? Да, конечно! И очень! Но страха, в вульгарном, обывательском значении этого слова, не было. Он напрягся, весь подобрался, как кот, готовый к прыжку. Рев двигателей, раздирающий небо, когда смотришь на стартующую ракету с наблюдательного пункта, оказался здесь, в корабле, совсем не громким. Где-то внизу глухо рокотало, но он ясно слышал голос Королева в шлемофоне, и Королев, как он понял, слышал его, в то время как на наблюдательном пункте разговаривать в секунды старта было невозможно. Волны какой-то дрожи прошли по телу ракеты, и в следующее мгновение Гагарин почувствовал, что перегрузка с мягкой властностью начала вдавливать его в кресло. Она нарастала быстро, но не страшно, Гагарин знал, что до ужасной давиловки, которую ему устраивали на центрифуге, дело не дойдет. Он был готов и к тряске, было впечатление, будто лежишь в телеге, которая катится по булыжнику.

— Семьдесят секунд полета, — прохрипело в шлемофоне.

Гагарин удивился: ему казалось, что прошло уже много минут...

Гагарин рассказывал мне что спуск с орбиты он переживал тревожнее, чем восхождение в космос. Багровые всполохи, которые видел он сквозь шторки иллюминатора страшили безотчетно, как и должен страшить пожар дома всякого нормального человека в этом доме находящегося. Он знал, что обмазка спускаемого аппарата должна гореть, что перегрузки будут сильнее, чем во время подъема, все это он знал, но сердце колотилось от волнения.

У Гагарина были поводы волноваться, но тогда он не знал об этом. Команда на разделение спускаемого аппарата с приборным отсеком вовремя не прошла. Предвидя такой вариант, считали, что металлические ремни, соединяющие их, отгорят сами, и они действительно отгорели. Не случись этого, корабль сорвался бы в нерасчетный спуск, весь гнет которого позднее, уже в 1969 году, испытал на себе Борис Волынов на «Союзе-5».

Как и десяткам космонавтов после него, первому космонавту тоже казалось, что парашютной системе уже пора бы сработать, а она все не срабатывает. Он очень ждал этого, и все-таки корабль дернулся неожиданно: раскрылся купол тормозного парашюта. Перед глазами Гагарина загорелся транспарант: «Приготовься, катапульта!» Юрий сжался, подобрался. С резким коротким звуком отстрелился люк, и в следующее мгновение кресло катапульты стремительно и властно вытянуло его из горячего шарика спускаемого аппарата в прохладную солнечную голубизну весеннего неба.

Сильно дернули парашюты. Юрий почувствовал, что оторвался НАЗ — наземный аварийный запас — он сидел на нем. Встревожился только на секунду: Волга осталась далеко слева, под ним расстилалась широкая ровная заволжская степь, ясно, что НАЗ, в котором была надувная лодка, ему не понадобится.

Было очень тихо,
Гагарин запел.

2

Гагарин приземлился у села Узморье на левом, пойменном берегу Волги, но удачно угодил не в весеннюю хлябь, а на сухой пригорок. Неподалеку он заметил пожилую женщину с маленькой девочкой и теленком, которая, завидев странную фигуру в оранжевом комбинезоне, торопливо начала от него отдаляться. Жена лесника Анна Акимовна Тахтарова с внучкой — шестилетней Ритой, пришла сажать картошку, о запуске космонавта они ничего не слышали, но помнили, что годом раньше был сбит американский шпион Пауэрс, который тоже приземлился на парашюте, и немного испугались.

— Мамаша, куда же вы бежите?! — закричал Гагарин. — Я свой!

Русский язык парашютиста остановил Анну Акимовну. Но поговорить они не успели: вдали показался сначала мотоциклист, а за ним — целая ватага механизаторов, которые с громкими криками: «Гагарин! Юрий Гагарин!» — бежали к космонавту.

— Мишанин. Анатолий,— широко улыбаясь, мотоциклист крепко пожал ему руку и спросил с веселым недоумением:

— Как же так, только что передали, что вы над Африкой, и вот вы уже у нас?! Надо же...

Гагарин подумал, что ведь действительно полчаса назад он был над Африкой, и улыбнулся. Мишанин сказал, что он очень рад познакомиться, крепко пожал руку, добавил что торопится,— хочет осмотреть корабль, «потому что интересно, на какой штуке ты летал».

Корабль опустился в километре с небольшим от космонавта. Обуглившийся с одного бока шар, слегка вдавившись в мягкую сырую землю, стоял прочно и, когда Мишанин залезал в люк, не качался. Транспарант «Приготовься, катапульта!» продолжал гореть, и Анатолий понял, что вот по этим направляющим Гагарин прямо в кресле и катапультировался. Без кресла кабина выглядела попросторнее, но Мишанина все равно удивили малые размеры корабля,— просто удивительно, как в такой тесноте можно совершить кругосветное путешествие! Осмотрев приборную панель, механик нашел ящичек, напоминающий шоферский «бардачок», в котором лежали небольшие хлебцы и тубы с этикетками: «пюре мясное», «соус крыжовниковый», «соус шоколадный».

В это время послышались шаги, и в люк заглянул раскрасневший от спешки и восторга Петр Иванович Сергеич — председатель райисполкома.

— Так, значит, ты, Мишанин, уже здесь,— сказал он оторопело,— ну, в общем, ты, Семеныч, давай тут охраняй, а я поеду сообщать...

«С поста» Анатолия сняли ракетчики из службы поиска. Дочке Ире Мишанин принес тюбик шоколадного соуса, и через полчаса вся сельская детвора бегала с перепачканными рожицами.

Деревенские мужики были уверены, что на радостях Гагарин забудет об оторвавшемся НАЗе, но на всякий случай все-таки зарыли в посадках радиопередатчик и лодку, мгновенно надувающуюся от маленького баллончика. И Гагарин действительно забыл. Но вскоре приехал хмурый капитан КГБ и сказал, что, если через полчаса НАЗ не принесут, он арестует все село. Приемник — черт с ним, но лодка была для рыбака (а в селе все мужики были рыбаками) сущей наградой, свалившейся с неба в буквальном смысле. Однако пришлось вернуть.

— Кажись, она рваная,— сказали похитители, но деревенское их лукавство не сработало: хмурый капитан молча бросил лодку в машину и уехал, не попрощавшись...

3

Многие участники этой эпопеи, работавшие на космодроме, рассказывали, что испытали в то утро чувство неожиданной опустошенности: как это, рабочий день в разгаре, никакой не праздник, а делать нечего, все сделано. Они еще не понимали, что сами создали праздник.

После короткого митинга был праздничный обед и даже пили шампанское. Осушив фужер «за успех», Королев размашисто хлопнул его оземь, все уже готовы были поддержать старинный обычай, но вопль хозяйственника остановил уничтожение казенной посуды:

— Главному конструктору можно, а нам, товарищи, не надо!

Пировали на ходу, торопились на аэродром. Решено было лететь на место приземления корабля, а оттуда — в Куйбышев, где их ждал Гагарин. И хотя знали, что жив-здоров, всем хотелось поскорее увидеть его и обнять.

В самолете сначала было очень весело, проказили, сыпали анекдоты, но скоро, сморенные пережитыми волнениями и щедрым обедом, утихли, ушли в дрему.

В Энгельсе с самолета пересели в два вертолета, которые и доставили их к «Востоку» уже отгороженному запретительным канатом от напирающей толпы любопытных. Поднырнув под канат, Королев и вся его рать сами стали предметом живейшего обсуждения крестьян. Единственным человеком, которого теоретически они могли узнать, был, пожалуй, Келдыш, но и его не узнали, и все искали среди них Гагарина, отказываясь верить что Гагарин уже улетел.

Королев быстро, с каким-то жадным огнем в глазах осмотрел спускаемый аппарат, погладил зализы, оставленные пламенем на обмазке, и сказал удовлетворенно:

— Хоть снова в космос запускай!

Заместитель Королева Леонид Воскресенский достал из «бардачка» тубу с вареньем и выдавливал всем на палец. Академики блаженно лизали пальцы, пораженный народ за канатом почтительно притих.

4

Космонавта тем временем отвезли в часть ПВО неподалеку от Энгельса, а потом отправили в Куйбышев. Гагарин буквально поминутно обрастал людьми. Где бы он ни появлялся, везде сразу возникала толпа.

Сосредоточенный на полете, Юрий не очень ясно представлял себе свое возвращение на Землю. Первый восторг колхозников не был неожиданностью, как и появление майора Гасиева. Гасиеву он начал докладывать, как учили:

— Товарищ майор! Космонавт Советского Союза старший лейтенант Гагарин задание выполнил.

— Да ты уже майор! — засмеялся Гасиев.

Юрий не понял. Гасиев объяснил, что по радио его называли майором. Сообщение это изумило Гагарина. Он не думал, что его повысят в звании, а тут еще сразу в майоры! Просто не верилось. Он рассеянно отвечал на вопросы спортивного комиссара Ивана Борисенко и врача Виталия Воловича.

Увидев запруженное народом аэродромное поле под Энгельсом, Гагарин растерялся.

— Ты видишь, как тебя встречает народ,— сказал ему Иван Борисенко (спортивный комиссар) с такой радостью, будто это он организовал и полет, и толпу.

— Я этого, по правде сказать, не ожидал...— задумчиво отозвался Гагарин.

Еще более растерялся он, когда его подвели к телефону «Никита Сергеевич, Никита Сергеевич»,— зашикали вокруг. Хрущев звонил с Кавказа.* Он был очень оживлен, невероятно энергичен, поздравлял с приземлением, справлялся о самочувствии, спрашивал о жене, детях и родителях.

— Буду рад встретиться с вами в Москве,— сказал Хрущев.— Мы вместе с вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что может сделать наш великий народ, наша советская наука,— Никита Сергеевич почти пел.

— Пусть теперь другие страны догоняют нас,— поддакнул Гагарин.

— Правильно! — закричал Хрущев.

Звонок Хрущева делал окружающий Юрия мир все более ирреальным.

По дороге в Куйбышев врач Виталий Волович устроил первый послеполетный медосмотр, считал пульс, измерил давление, даже градусник зачем-то поставил. Потом посыпались автографы. Гагарин отвечал весело, но голос был усталый. На минуту откинулся в кресле, закрыл глаза. Потом встрепенулся и сказал:

— Вот Луну так и не удалось посмотреть. Но это не беда, посмотрю в следующий раз...

В Куйбышеве его встречали Каманин, академик медицины Парин, начальник Центра подготовки Карпов и первые космонавты, которые были с ним в Тюра-Таме. Они еле пробились к машинам, и лишь специальные наряды милиции окончательно отсекли всех восторженных любопытных, когда их привезли на обкомовскую дачу. Дача стояла на высоком берегу Волги, в лесу, но весна только набирала силу, лес был пуст, прозрачен, черная земля обнажилась на пригорках, а в низинах еще лежал снег. Дом окружали синие тени.

Гагарин принял душ и сел обедать. С отдыхом ничего не получалось. Постепенно дом наполнялся людьми, прилетевшими с космодрома, из Москвы, а также местным начальством всех рангов: первый секретарь обкома Мурысев, предоблисполкома Токарев, командующий Приволжским военным округом генерал армии Стученко, областные начальники КГБ, МВД и множество других людей, к событию решительно никакого отношения не имевших. Где-то уже пили, но пока наспех, без закуски...

Приехав на дачу, Королев сразу прошел в комнату Гагарина, расцеловал, глаза были на мокром месте.

— Все хорошо, Сергей Павлович, все в порядке,— Гагарин словно утешал его. Что говорить, как отвечать, Королев не знал.

— Отдыхай,— сказал наконец Королев,— завтра проведем госкомиссию, все расскажешь... А сейчас пошли дай народу на себя посмотреть.

В зале стояли Руднев, Келдыш, Москаленко, Глушко, Пилюгин, Рязанский, Бармин, Кузнецов, Воскресенский, Раушенбах,— вместить всех дача не могла, часть народа поселилась в центральной городской гостинице, из «люксов» которой срочно выселили прежних постояльцев, но посмотреть на Гагарина приехали все. Уже часов в десять вечера начался праздничный ужин с очень торжественными и скучными тостами. После первых рюмок все почувствовали, что устали. Огромный этот день иссякал. Около одиннадцати Гагарин уже спал

5

Утром на даче заседала госкомиссия. Гагарин рассказывал подробно все, как было: старт, активный участок, выход на орбиту, полет. Подробно описывал Землю, ее краски. Вспоминал, как включилась ТДУ, как выходили парашюты. Вопросов было очень много. Каждому хотелось, чтобы Гагарин отметил именно его работу, его агрегат, систему, прибор. Юрий отвечал спокойно, с той чисто гагаринской неторопливой обстоятельностью, которая так нравилась его экзаменаторам. Королев был очень доволен. Заседание прошло на редкость мирно, без гневливых разборов и взаимных упреков. Мелочи, вроде отказа пироболтов или оторвавшегося НАЗа, были отмечены Королевым, но «поднимать волну» по этому поводу именно сейчас было бы глупо. Он знал, что не забудет этих мелочей. И те, кто за эти «мелочи» отвечал, тоже знали, что он их не забудет. Каманин увел Гагарина готовиться к встрече с журналистами. Юрий не робел, но все было как-то странно и удивительно: он дает интервью! На дачу уже приехали четыре специальных корреспондента: Николай Денисов из «Правды», Георгий Остроумов из «Известий» и два из «Комсомолки»: Василий Песков и Павел Барашев. Они сидели в биллиардной, как школяры, зубрили заготовленные вопросы.

После обеда Королев, другие члены госкомиссии и все ракетчики, которые были в Куйбышеве, улетели в Москву. На Чкаловскую ушел самолет с космонавтами. На даче остались Гагарин, Каманин, замполит «Звездного» Некрясов, врачи, журналисты. Вечером из Москвы перегнали красавец «ИЛ-18», на котором утром Юрий должен был отбыть во Внуково, где его с великим нетерпением будет ждать прилетевший из Адлера Хрущев.

Утром в самолете, развесив на плечиках новенький китель и шинель с ослепительными майорскими погонами, Юрий зубрил рапорт, который должен отдать Хрущеву, спустившись с трапа лайнера. Подумать только: Хрущев будет встречать его на аэродроме!

По тщательно выверенному графику самолет Хрущева садился точно в 12.30. Самолет Гагарина — в 13.00. С Хрущевым в Москву летели Микоян и Мжаванадзе. Гагарин старался представить себе, как все это будет происходить, но не мог, воображения не хватало. Чудеса этого невероятного дня начались очень скоро. Километрах в 50 от Москвы к самолету пристроился почетный эскорт из семи истребителей: по два на крыльях и три на хвосте! Этого он не ожидал. Не ожидал и флагов на улицах Москвы, которые хорошо были видны сверху, когда они заходили на посадку. Последнее, что разглядел он в иллюминатор перед тем как выйти,— красная ковровая дорожка, которая тянулась к низенькой трибунке, плотно заставленной темными фигурками в шляпах, — лиц он не разобрал. Самолет остановился. Он готов: шинель, белый шелковый шарфик, фуражка — «краб» по центру — все в порядке... Дверь откинулась внутрь самолета...

Но не все было в порядке. Это я хорошо помню. Вместе с другими журналистами и кинооператорами я сидел на большой двухэтажной «этажерке», собранной из металлических труб и деревянных трапов на манер строительных лесов и стоявшей метрах в двадцати от ковровой дорожки. Все мы хорошо видели, как едва только Юрий вступил на нее, с крючков его черного ботинка соскочил шнурок, и петля его забилась в ногах космонавта. Это можно разглядеть и в кинохронике. «Этажерка» замерла. Мы беззвучно молились всем известным богам: «Не споткнись! Не упади!» Было бы чудовищно несправедливо: упасть, когда на тебя смотрит весь мир! Гагарин ничего не чувствовал. Может, это и к лучшему: иначе он мог бы сбиться с шага. Он шел размашисто, четко, в ритме старого довоенного марша «сталинских соколов»: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...»

Поднялся на трибуну, остановился перед микрофоном, вскинул руку к козырьку и начал рапортовать, глядя прямо в счастливые глаза Хрущева:

— Товарищ Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии...

Властно раздвинув строй охраны, окружающей трибуну, на Гагарина, прильнув глазом к визиру маленькой любительской кинокамеры, надвигался большой грузный человек в тяжелом драповом пальто. Я узнал Туполева. Ни один киношник позволить себе такую дерзость не смог бы...

Растроганный бодрым видом и четким докладом космонавта, Никита Сергеевич обнял и расцеловал его, а потом начал представлять ему всех членов Политбюро, а также монгольского вождя Цеденбала, но представить всех не успел, Юрий потянулся к Вале, маме, отцу, братьям и сестрам, стоявшим тут же, о левую руку Хрущева.

Гагарин рассказывал мне, что, отчеканив свой рапорт, он в ту же секунду погрузился в какую-то прострацию, как бы в сон. Чувство это усиливали лица вождей, которых знал по портретам, но не воспринимал как живых людей, и которые с живейшим интересом рассматривали его теперь, а многие — радостно целовали. «Это Брежнев, это Козлов, это Ворошилов, Микоян...»,— отмечал он про себя, но все эти знакомые незнакомцы были гораздо ближе к миру сна, чем реальной жизни. Целуя родных, он не понимал, как попали они сюда, ведь они жили в Гжатске, как оказалась здесь Валя, мелькнула даже мысль «а на кого же она оставила девочек»... Сойдя с трибуны, Никита Сергеевич провел Гагарина вдоль плотной толпы людей, отгороженных милицией и веревочным запретом, и он опять встретил эти радостные глаза, жадно его рассматривающие, и неожиданно увидел свои собственные большие портреты на палках и лозунги с его фамилией. Портреты были трех видов: Ленина, Хрущева и его, Гагарина. Но больше всех — Гагарина.

А потом этот проезд в открытой машине. Почти весь путь из аэропорта до Кремля Гагарин стоял, потому что не было ни одного километра на его пути, где бы не было ликующих людей, которые аплодировали ему, махали и бросали цветы, рискуя попасть под колеса семнадцати мотоциклов эскорта, окружавших его автомобиль. Когда рядом с Хрущевым он появился на трибуне Мавзолея, восторженный рев толпы прокатился над Красной площадью...

6

Утром вместе с женой Королев поехал во Внуково встречать Гагарина. На трибуне стоять ему не полагалось: он был не вождь и не родственник. Обратно в Москву машина Королева шла в огромном хвосте других машин после вождей, министров и маршалов. Его народ уже не приветствовал, толпы таяли, оставляя на мостовой раздавленные букеты. В Кремль машину Королева не пустили. Шофер свернул налево и высадил Сергея Павловича с Ниной Ивановной неподалеку от чугунных ворот Александровского сада. Стремящаяся на Красную площадь толпа мгновенно поглотила их...

Карпов с женой и пятью космонавтами, которые были в Куйбышеве, поехали на Красную площадь загодя, но попали в большую пробку на улице Кирова и подошли к Историческому музею уже перед самым началом митинга. Тут и встретились они с Королевым. Ошеломленные всем происходящим, летчики окружили Главного.

— Вот видите, сколько шума наделал ваш Юра, —тихо и весело сказал Королев, косясь на людей вокруг,— поскромнее, поскромнее надо вести себя, дорогие товарищи.— И еще раз оглянувшись, добавил почти шепотом: — То ли еще будет, други мои...

В это время народ прорвал милицейское оцепление. Живой поток устремился на площадь, закрутил маленькую группку людей, прижал к самой стене неподалеку от Арсенальной башни. Карпов испугался: вот это номер будет, если именно Королева с женой здесь задавят. Он помог им выбраться из толпы. Сергей Павлович и Нина Ивановна митинг на Красной площади смотрели дома по телевизору.

Самым счастливым в этот замечательный апрельский день был не Юрий Алексеевич Гагарин и не Сергей Павлович Королев, а Никита Сергеевич Хрущев. С той минуты, как доложили ему об успешном старте «Востока», находился он в радостно приподнятом настроении, смеялся, шутил и после благополучного приземления дал категорическую команду устроить праздник по высочайшему, дотоле невиданному разряду: лозунги, плакаты, флаги, демонстрация на Красной площади, митинг, прием, пир, салют,— чтобы все было! В нарушение всех законов в указ о награждении вписали строчку о бронзовом бюсте в Москве. Не забыли даже пионеров, которые должны были повязать герою красный галстук прямо на Мавзолее.

Теперь в ответ на краткую благодарственную речь Гагарина на Красной площади, в которой немудрящие идеологи ВВС заставили его оценить свою работу, как подвиг,— что звучало, конечно, нескромно, Никита Сергеевич произнес речь в пять раз длиннее. Под одобрительный рев всей Красной площади он объявил о присвоении Юре звания Героя Советского Союза.

А вечером грянул большой прием. Юноши и девушки в белых одеждах, стоящие на парадной лестнице осыпали его цветами. Певцы из Большого театра грянули хор «Славься!» Глинки, вскоре причудливо трансформирующийся в «космическую» песню Туликова.

Главный стол в торце Георгиевского зала предназначался для главных виновников торжества: Хрущева, Брежнева, других членов Политбюро, Малиновского и, конечно, Гагарина. Места для Королева там не было. Если бы Сергей Павлович и надумал сам пойти к этому столу, его непременно остановил бы вежливый молодой человек в строгом костюме и, едва дотронувшись до локтя, тихо сказал бы ему на ухо:

— Пройдемте вот сюда... Здесь вам будет удобнее...

Все столы щедро были уставлены бутылками с водкой, коньяком и вином, закуска была обильна и изысканна. Потекли речи. Хрущев снова стал поздравлять и обнимать Гагарина и произнес еще одну длинную и трескучую речь. Следом пошли новые спичи. Выступали все, начиная со шведского посла Рольфа Сульмана — дуайена дипломатического корпуса, кончая придворным писателем Леонидом Соболевым. Речи не мешали выпивать и закусывать. Георгиевский зал уже начинал наполняться глухим вокзальным гудом, но вдруг снова притих: Никита Сергеевич опять начал говорить, убеждать всех, что имя первого космонавта «всегда будет жить в веках».

Хрущев не знал усталости. Энергичные взмахи руки, когда напоминал он о поступательном движении страны к коммунизму, не становились плавнее, а розовость щек говорила вовсе не о выпитом вине, а о душевном жаре, негасимо горевшем в груди вождя. Молодой белозубый этот майор был для Никиты Сергеевича прообразом людей будущего, тех, кому предстоит жить в светлом здании быстро и дружно отстроенного коммунизма. Гагарин укреплял его великую, чистую веру в реальность близкого завершения этого исторического строительства, и уже за это Никита Сергеевич — единственный из наших вождей, который искренне верил в достижимость своих идеалов за пролет одного поколения, любил его всей душой.

Сверкали люстры, гремели оркестры. Гагарина тянули то к одной группе, то к другой, тяжело, по-медвежьи обламывая, мял его сейчас маршал Малиновский,— быстрый взгляд Хрущева бежал по лицам гостей и натыкался на Королева.

Королев с Ниной Ивановной стоял в группе других конструкторов, не тушуясь, но и не высовываясь, понимая, что и в минуты ликования Хрущев помнит, что здесь — дипкорпус и западные журналисты и не нарушит игры в секретность. Однако Никита Сергеевич, широко улыбаясь, подошел к их группе, говорил приятности, чокался. Королев представил ему Исаева:

— А это,— сказал Сергей Павлович,— тот самый человек, который тормозит все наше дело...

Хрущев понял, рассмеялся, снова благодарил. Гагарин увлек Никиту Сергеевича в Святые сени, где в дальнем углу тихо пировали космонавты, выглядевшие непривычно в штатских костюмах. Юре было как-то не по себе, что за срок, каких-нибудь [illegible], ушел он от этих лейтенантов в такую необозримую даль, что и подумать страшно...

Когда Брежнев прикреплял к груди Гагарина Золотую Звезду, Юра учуял легкий аромат дорогого коньяка, и ему тоже захотелось выпить, но он понимал, что делать этого нельзя, и все окончательно может сместиться и перепутаться, а все смотрят на него, нет секунды, чтобы его не разглядывали...

Волшебный этот день окончился для Гагарина в чистом прохладном особняке «для почетных гостей» на Ленинских горах, куда привезли их с Валей поздно ночью. Юра подошел к большому зеркалу, посмотрел на свое отражение, потрогал Золотую Звезду и сказал тихо:

— Понимаешь, Валюша, я даже не предполагал, что будет такая встреча. Думал, ну, слетаю, ну, вернусь... А чтобы вот так... Не думал...

7

Отзвуки торжеств долго еще рокотали в прессе, по радио и телевидению. В десятках министерств составлялись и визировались длинные наградные списки. Награждали всех — от министров до техников. Да что там министры! И сам Никита Сергеевич, и Леонид Ильич Брежнев, и Дмитрий Федорович Устинов, разве без их забот мог бы взлететь Гагарин?! Все получили по Золотой Звезде Героя Социалистического Труда за освоение космического пространства. Королев, Келдыш, Глушко, Пилюгин стали дважды Героями. Золотые Звезды получили по тому же закрытому указу от 17 июня 1961 года председатель Госкомиссии Константин Николаевич Руднев и почти все «генералы» королевского КБ: Борис Евсеевич Черток, Михаил Васильевич Мельников, Евгений Васильевич Шабаров, Игорь Евгеньевич Юрасов, Дмитрий Ильич Козлов, Аким Дмитриевич Гулько, Роман Анисимович Турков, не был забыт и Семен Ариевич Косберг. Слесари опытного завода Григорий Егорович Еремин и Сергей Степанович Павлов вместе с техником-сборщиком Дмитрием Михайловичем Зерновым тоже стали Героями Социалистического Труда. Количество орденов и медалей измерялось сотнями. Подлипки ликовали несколько дней кряду.

Узнав, что вторая Золотая Звезда вручается без ордена Ленина, Королев расстроился. Приехав 20 июня из Кремля, где вручали награды, Сергей Павлович показал Нине Ивановне коробочку со Звездой и по-детски грустно вздохнул:

— А орден пожалели...

— Сереженька, да зачем он тебе?! — воскликнула жена.

— Да я просто так...— он смутился.— Второй орден Ленина дали нашему ОКБ, вот что главное...

Наградить решили не только Гагарина, но и еще не летавших космонавтов. Заочно и досрочно. Титов был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. Но Хрущев распорядился дать ему орден Ленина, а всем остальным ребятам из первого отряда (кроме погибшего Валентина Бондаренко)—ордена Красной Звезды. Орден Ленина получил Карпов.

Еще на приеме в Кремле Никита Сергеевич поинтересовался, чем награждена жена первого космонавта. Ему сказали, что непосредственный ее начальник Евгений Анатольевич Карпов, у которого она работает лаборанткой, представил ее к медали «За трудовую доблесть».

— Это в корне неверно! — страшно закипятился Хрущев. Валентине Ивановне был вручен орден Ленина. Надо отдать должное ее скромности и представлениям о собственных заслугах, она не надевала этот орден ни разу в жизни...

На следующий день после кремлевского приема Королев чествовал Гагарина в Подлипках. Трибуну соорудили прямо под открытым небом, поставили динамики. Из-за сверхсекретных каменных заборов, отороченных колючей проволокой, по всей округе разносился уже всем знакомый звонкий голос Гагарина:

— Спасибо вам, творцам нашей ракетной техники, за замечательный космический корабль...

Иностранцы, которые ехали в тот день мимо ОКБ в Загорск, могли только улыбаться, дивясь причудливости советской секретности...

Ярослав ГОЛОВАНОВ.

* Первая самая ранняя ложь, связанная с полетом Ю. А. Гагарина, в сообщении об этом разговоре. ТАСС утверждал, что «Н. С. Хрущеву сообщили, что с ним хочет переговорить Ю. А. Гагарин». В книге Гагарин пишет: «Меня соединили по телефону с Никитой Сергеевичем». Ясно, что инициатива (не говоря о чисто технической возможности) могла исходить только от Хрущева, но уж никак не от Гагарина.

Глава III тома хроники «Королев» публикуется в сокращении. Полностью опубликована в журнале «Коммунист» № 5 1991 г.